

— Ага! Чуешь, Борька, что неправ, — примирительно сказала девочка. — Я с тобой в прятки играть не подряжалась. Ну-ка, бегом на покос. Стог сена тебя дожидается. Кто его на ферму за тебя потащит, трактор, что ли?

Мы потеряли дар речи. А также

дар ойканья, беганья, прятанья и научного мышления. Только Мила сохраняла филологическое хладнокровие. Достав диктофон, она записывала древнерусские слова «чуешь», «убег», «подряжалась» и «трактор».

Через минуту мы немного пришли в себя и выяснили, что девочку зовут Танькой. Ещё через десять минут мы сидели на веранде её деревенского дома, пили парное молоко и слушали объяснения Танькиной бабушки Гликерии Степановны.

— Дак они у нас испокон веку проживают, динозавры-то, — певуче повествовала она, поливая малиновым вареньем стопку горячих блинов. — Ишо от прадедов и прапрадедов унаследованы. Как уж они в наших краях с мезозойской эры уцелели, того

не ведаю. Может, экология у нас такая исключительно здоровая. Может, жители добрые и природу беречь завсегда имеют привычку.

— Так вот почему ваша деревня так палеонтологично называется...

— Кто его знает, почему нам такое имечко дадено, — недоуменно пожалла плечами Гликерия Степановна. — То ли от коми-пермяцких слов «шор» и «кос», что означает...

— «Каменистая речка», — опередила Мила Боринских.

— Верно, — удивилась хозяйка. — Ну, вы ребята городские, многому ученые... А то вот ещё рассказывают, будто

это дорожные строители над нами пошутили.

— Вместо «Костин ручей» написали на указателе «Кость-Ящер», — вставил Маковкин.

— Есть и такая легенда, — согласилась почтенная жительница удивительной деревни.

На столе появились грузди в сметане, чай с душицей и эквадорские бананы в гречишном меду.

— Мне бабушка рассказывала, что ящеров наших труднее всего оказалось в войну сохранить, — продолжала Гликерия Степановна. — Зато уж потрудились они в тяжёлую пору по-ударному, можно сказать, под лозунгом «Всё для победы!». Ведь никакой техники тогда в колхозе не было, и лошадей всех пришлось отдать на фронт. Вот на трицератопсах и пахали, и бороили. Стегозавры жнейки за собой волокли. А

если в осеннюю непогоду до райцентра нужно было обоз с урожаем доставить, то стиракозавров запрягли, потому как они самые мощные, можно сказать, вездеходы... Может, вам картошечки варёной положить? — прервала свой рассказ хозяйка. — В городе-то такой не сыщешь. С укропом — только что с грядки, с малосольными огурчиками!

Мы ничего не имели против малосольной картошечки... То есть варёного укропчика... В общем, вкуса свежайших деревенских продуктов мы не различали. Мы жевали автоматически, глотали синхронно и слушали рассказ о чудесах из ассортимента деревни Кость-Ящер.

— После войны не пришлось дожидаться, когда до нашего захолустья малая сельскохозяйственная авиация доберётся, — охотно повествовала Гликерия Степановна. — Птеродактили вместо «кукурузников» поля пестицидами с воздуха обрабатывали. Потом мелиорация началась. Аллозавры, они страсть как в земле копаться любят, прямо машины землеройные. Справились и с мелиорацией. А когда мачту сотовой связи затеяли возводить, игуанодон Мухтар вместо подъёмного крана сработал.

